

ПРАВОСЛАВІЕ И ПРОТЕСТАНТИЗМЪ. *)

(Переводъ съ нѣмецкаго В. Унру).

Сильное впечатлѣніе производитъ на протестанта, находящагося хотя бы короткое время въ болѣе тѣсномъ общеніи съ православнымъ, свято хранящимъ вѣру Церкви, глубина и искренность религіозной жизни послѣдняго, и это впечатлѣніе создается, несмотря на то конфессиональное средостѣніе, которое — не «im Letzten», конечно — отдѣляетъ обоихъ христіанъ другъ отъ друга. Не о субъективной только религіозности, которая можетъ быть достояніемъ и язычника, или о религіозной эстетикѣ, широко распространенной у насъ на почвѣ чистаго субъективизма — *Gefühl ist alles, Name ist Schall und Rauch!* — здѣсь идетъ рѣчь, а о наличности подлиннаго церковнаго сознанія у даннаго православнаго христіанина, сына Церкви-Матери, исповѣдующей Христа, истиннаго Бога и истиннаго Человѣка, сознающей себя тѣломъ Его. Протестанту, внимательно и съ любовью отдающемуся этому впечатлѣнію, такого рода благочестіе, отличающееся своей строгой церковностью, можетъ быть въ первое время покажется нѣсколько чуждымъ, но очень скоро онъ убѣждается, что онъ здѣсь имѣетъ дѣло съ подлинной вѣрой въ Христа, въ Котораго и онъ самъ глубоко вѣруетъ. И вотъ невольно онъ задаетъ себѣ вопросъ, не къ одной и той же Единой ли Церкви принадлежатъ они оба, и православный и протестантъ, несмотря на историческій расколъ церквей. Этотъ вопросъ прямо напрашивается. Въ этомъ вопросѣ, собственно и заключается вся вселенская проблема животрепещущая для cadaго, кто имѣетъ встрѣчу съ инославнымъ христіаниномъ какъ съ «ближнимъ», въ смыслѣ евангель-

---

*) Со статьи этой начнется первый № новаго нѣмецкаго журнала «Orient und Okcident», который при участіи Н. А. Бердяева будетъ редактированъ Фритцемъ Либомъ и Павломъ Шутцомъ въ изданіи I. C. Hinrichs и будетъ посвященъ прежде всего дружественному общенію православныхъ и католиковъ.

Редакція.

скомъ, отъ котораго отрекаться поэтому онъ уже не можетъ, такъ какъ ближній крѣпко за него держится, объявляя притязанія свои на него, какъ на своего собрата о Христѣ.

Міровая война и вызванныя ею сильныя потрясенія такъ или иначе способствовали сближенію — не только географическому, но и духовному — протестантизма и восточнаго христіанства, которое для насъ протестантовъ до новѣйшаго времени была какъ-бы *terra incognita*. Нечего вспоминать о томъ, какое значеніе для насъ имѣетъ Достоевскій и вся, вообще, русская художественная литература. Въ высшей степени отраднымъ явленіемъ должно считать интенсивное и дѣйствительно плодотворное участіе представителей православной Церкви на конференціяхъ Стокгольмской и особенно Лозанской, которое очень содѣйствовало обоюдному сближенію и пониманію, и положительнымъ результатомъ этихъ знаменательныхъ встрѣчъ можно, несомнѣнно, считать искреннее желаніе обѣихъ сторонъ болѣе внимательно и серьезно относиться другъ къ другу и серьезнѣе внимать гласу другой стороны. Въ частности, два недавно опубликованныхъ документа являются краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ такой искренней, доброй готовности къ серьезному обмѣну мыслей съ протестантами со стороны православныхъ богослововъ и философовъ, а именно «Die Ostkirche» (отдѣльный выпускъ журнала «Una Sancta») и лекціи, прочитанныя проф. Стефаномъ Занковымъ въ Берлинскомъ университетѣ и опубликованныя въ «Furche-Verlag» подъ з-г. зѣіемъ «Das orthodoxe Christentum des Osten. Sein Wesen und seine gegenwartige Gestalt».

Только лишь при одномъ условіи христіане, а въ особенности христіане разныхъ исповѣданій, смогутъ вести успѣшную бесѣду другъ съ другомъ, а именно тогда, когда обѣ стороны со смиреніемъ и кротостью предстанутъ передъ Крестомъ Христовымъ, воздвигнутымъ на спасеніе тѣхъ и другихъ, напоминающимъ имъ, что они готовы служить Божественному Спасителю, въ Котораго вѣруютъ, напоминающимъ имъ также, что они нуждающіеся въ прощеніи, въ Его прощеніи, въ милосердіи Бога грѣшники, побуждающимъ ихъ поэтому посильно стремиться къ терпимости, терпѣнію, къ любовному преодолѣванію предразсудковъ и противорѣчій собесѣдника, собрата по бѣдствію. Здѣсь уже не можетъ быть попытки насиловать ближняго, объявить себя въ фарисейскомъ заблужденіи единственнымъ, и полнымъ владѣльцемъ духовныхъ благъ и цѣнностей, а также уже не можетъ быть мѣста попыткѣ совращенія ближняго, обращенія его къ своей точкѣ зрѣнія, каковое насильственное обращеніе ни въ коемъ случаѣ нельзя называть обращеніемъ ко Христу.

То что было сказано объ отношеніи другъ къ другу единоличныхъ представителей разныхъ исповѣданій, касается и самихъ церквей. И имъ также напоминаетъ Крестъ, Спаситель, что онѣ не Онѣ, что онѣ не непогрѣшимы въ своемъ устройствѣ, въ своихъ отдѣльныхъ представителяхъ — іерархахъ, священникахъ, пастыряхъ—и въ дѣлахъ оныхъ, а грѣховны и безусловно нуждаются въ благодати Божіей, въ Его милосердіи. Ибо только Отецъ и Христосъ, Глава Единой Церкви (Una Sancta) и Духъ Святой, невидимо пребывающій въ Церкви, совершенны въ строжайшемъ смыслѣ слова и превращаютъ Церковь въ Истинную Церковь, являясь полной и единственной гарантіей непогрѣшимости ея.*) Всегда въ вѣкѣ семъ останется нѣкоторое несогласіе между «потенціальностью» и «актуальностью» Церкви.**)

Итакъ, нѣтъ другого пути, чтобы сблизить другъ съ другомъ разобщенныхъ братьевъ о Христѣ и окончательно соединить ихъ, кромѣ смиренія, т. е. крѣпкаго сознанія своей человѣческой грѣховности со стороны вѣрующихъ, кромѣ познанія, что Богъ есть Богъ, Святой и Неприкосновенный, что Церкви Христовой больше подобаетъ служить Богу, нежели властвовать. Именно православная, въ частности русская Церковь, больше всѣхъ другихъ церквей была проникнута этимъ сознаніемъ. Она никогда не увлекалась жаждою власти — если не считать временныхъ увлеченій со стороны единичныхъ ея представителей, — наоборотъ, ею злоупотребляли сильные міра сего для достиженія своихъ мірскихъ и корыстныхъ цѣлей. Глубокій смыслъ кроется въ томъ, что на Восточную Церковь реформація не оказала большого вліянія. Ея протестъ былъ направленъ противъ слишкомъ повелительной, слишкомъ самонадѣяннѣй, могущественной и

---

*) У Стефана Занкова (стр. 71) мы читаемъ слова, очень хорошо выражающія нашу мысль: «Разъ Церковь дѣйствительно является Церковью, то она Церковь Христова. А Церковь Христова истинна и содержитъ истину, ибо Христосъ глава Ея — Онѣ же «истина» (Еванг. отъ Іоан. 14, 6), — а Духъ Святой душа Ея — Онѣ же есть Духъ истины (Іо. 6, 13), Который наставляетъ на всякую истину. А относительно клира Занковъ (стр. 80) утверждаетъ, «что священники являются только лишь служителями недостойными и грѣшными изъ наигрѣшнѣйшихъ служителей Бога. Не они являются «владѣтелями даровъ» (противъ Kattenbusch'a: *Lehrbuch der vergleichenden Konfessionskunde* I, стр. 346).

**) То же самое подчеркиваетъ и Бердяевъ, при выясненіи понятія о Церкви въ православіи (*Die Ostkirche*, стр. 9): «Церковь Христова не является законченнымъ и завершеннымъ строеніемъ, въ ней безпрестанно ставятся новыя творческія задачи и обогащеніе жизни Церкви всегда возможно». Кромѣ того, Бердяевымъ достойнымъ вниманія образомъ указывается на то вліяніе, которое оказываетъ на православное понятіе о Церкви эсхаталогія: совершеніе Церкви, полная актуализація ея существа есть «фактъ эсхатологическаго порядка» (*ibid.*, стр. 15).

пышной, «поставляющей собственную праведность» (Римл. 10,3) Церкви, противъ *ecclesia triumphans* того времени, слишкомъ уже забывшей о томъ, что Христосъ родился бѣднымъ въ ясляхъ, что Онъ умеръ — совсѣмъ уже бѣдный, оставленный, преданный всѣми — на Крестѣ, что онъ умеръ самой позорной смертью преступника, не какъ истинный преступникъ, конечно, а какъ Сынъ Божій, какъ единственно безгрѣшный, невинный за настоящихъ преступниковъ, за насъ грѣшныхъ; этотъ протестъ реформаторовъ противъ затемненія голаго факта, что человекъ подъ Крестомъ рѣшительно ничѣмъ не располагаетъ, чтобы предстать предъ Богомъ въ качествѣ имущаго, имѣющаго возможность заслужить благодать, милосердіе Божіе, — ибо онъ нищъ и нагъ и до конца жизни своей одной только милостію Божіей живетъ, — такой протестъ на Востокѣ не былъ понятъ достаточно ясно въ своей справедливости и необходимости, какъ подлинно *православный* протестъ, а это потому, что Восточная Церковь всегда глубже сознавала себя какъ *ecclesia peccatorum*, хотя и она долгое время въ недостаточной мѣрѣ радѣла о проповѣди евангелія, почему и не стала для народа тѣмъ, чѣмъ могла быть: свободной, никакой человеческой власти не подчиненной воспитательницей народа и учительницей лишь страху Божьему, а не раболѣпствованію передъ носителями брэнной власти. Страшный кризисъ, переживаемый въ настоящее время русской Церковью, отнюдь не является послѣдствіемъ властолюбивыхъ ея притязаній, а скорѣе послѣдствіемъ недостатка въ свободѣ, которая такъ высоко цѣнилась славянофилами, послѣдствіемъ недостаточной воли къ свободѣ по отношенію къ свѣтской власти. Съ другой стороны, эта катастрофа является также послѣдствіемъ недостаточнаго сознанія долга Церкви по отношенію къ народу, особенно въ области социальнихъ проблемъ. Это обстоятельство одинаково болѣзненно ощущалось и Соловьевымъ, и Аксаковымъ. Но такой недостатокъ, съ своей стороны является послѣдствіемъ недостаточно серьезнаго отношенія къ конкретной земной дѣйствительности, не столько въ ея обманчивомъ блескѣ, какъ въ ея страшной проблематичности. Именно въ своемъ конкретномъ и страшномъ физическомъ, духовномъ и душевномъ бѣдствіи міръ нуждается въ Церкви, долженствующей самымъ внимательнымъ образомъ считаться, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, съ этимъ реальнымъ положеніемъ вещей.

Обновленіе русской Церкви возможно лишь — какъ это и совершается на нашихъ глазахъ — путемъ новаго завоеванія ея свободы, — евангельской свободы, путемъ тѣснѣйшаго сліянія не съ властью имущими, а съ народомъ, жаждущимъ истины и свободы, путемъ молитвеннаго принятія Церковью на себя тяжелаго горя и бремени народа. Все это нынѣ совершается въ подвигѣ

мученичества, которое западные христіане больше, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ, должны бы почувствовать и перестрадать какъ свою личную судьбу. Бѣдствіе православной Церкви, ея тяжелая борьба касаются всѣхъ церквей, ибо эти страданія переносятся и эта борьба ведется отъ имени Христа за Него, Спасителя нашего, а что касается покаянія, то оно несетя и за наши грѣхи. Настоящее бѣдствіе, переживаемое нынѣ особенно остро восточнымъ христіанствомъ, есть наше общее бѣдствіе, и именно этотъ фактъ настойчиво требуетъ, чтобы различныя Церкви лучше познали другъ друга и научились болѣе существенно помогать другъ другу.

Истинное соглашеніе между протестантской и православной церквями, за которое мы стоимъ, возможно лишь при новомъ, всеобщемъ, сознательномъ, смиренномъ, кроткомъ раскрытіи истинныхъ началъ евангелія и при возвращеніи церквей къ полнотѣ ученія древней Церкви. Реформаторскія церкви возникли именно на основаніи такого новаго, сознательнаго воспріятія евангельскихъ началъ, искаженныхъ и извращенныхъ средневѣковой церковью. Православная же Церковь является ревливой хранительницей именно традиціи древне-христіанскаго міра и такой хранительницей только и хочетъ быть. Зиждется Она прежде всего на древнехристіанскомъ и общехристіанскомъ Никеоцареградскомъ Символѣ, на древне-христіанскомъ догматѣ. Не существуетъ поэтому, по существу, противорѣчій между названнымъ основаніемъ православной Церкви и стремленіемъ реформаторовъ проповѣдывать евангеліе въ чистомъ его видѣ и возстановить истинное ученіе. Вѣдь древнехристіанскій Символъ возникъ при защитѣ именно евангелія и ученія Церкви противъ еретиковъ. Этотъ Символъ представляетъ собою древнецерковную формулировку самой субстанціи подлиннаго ученія Св. Писанія, а именно вѣры въ Св. Троицу, въ полное Богочеловѣчество Господа Иисуса Христа, въ тѣлесное Воскресеніе Его и наше.

Конечно, должно быть очень сильно подчеркнуто, что внѣшнее, механическое повтореніе даже самого ортодоксальнаго Символа, а также историческое вникновеніе (*Einfühlung*) въ истинное содержаніе его не достаточно. Исповѣданіемъ, дѣйствительнымъ исповѣданіемъ *становится* всякая догматическая формулировка лишь тогда, когда оно будетъ *нашимъ* исповѣданіемъ, исповѣданіемъ исповѣдующаго — *wenn das Bekenntnis existentiell wird*, — когда въ немъ находитъ выраженіе конкретное отношеніе нашего собственнаго бытія къ Богу, а не только признаніе христіанскаго *понятія* о Богѣ. Не должно обманывать себя, ибо самое глубокое богословствованіе можетъ затемнить этотъ серьезнѣйшій фактъ, и со временъ Соловьева таковая

опасность имѣется налицо именно въ Россіи. Рѣчь идетъ здѣсь объ умозрительномъ богословіи, въ которомъ по существу эстетическое и безотвѣтственное удовлетвореніе запросовъ разума и чувства легко можетъ помѣшать дѣйствительному соединенію съ Богомъ, что равносильно недостаточно строгому осужденію грѣха. Таковая опасность чисто умозрительнаго богословствованія угрожала христіанской теологіи на всемъ пути ея развитія и во все новыхъ формахъ, особенно же въ неоплатонизмѣ, въ схоластикѣ, въ рационализмѣ и въ современномъ идеализмѣ, гдѣ спекулятивная мысль пыталась и пытается вытѣснить, исказить сущую вѣру и поставить на мѣсто Божественнаго откровенія о Богѣ мудрствованіе о Немъ. Дѣйствительность, реальность Бога можетъ быть воспріята лишь только путемъ слушанія (ἀκούειν) и послушанія (ὑπακούειν) Его слову, обращенному къ слушателю и требующему отъ него, въ его конкретномъ существованіи яснаго и опредѣленнаго рѣшенія, готовъ ли онъ вѣрить и исповѣдывать или нѣтъ. Такъ какъ эта вѣра и это исповѣданіе являются функціями конкретнаго человѣка, человѣка опредѣленнаго времени, то, стало-быть, въ немъ неизмѣнная вѣра, неизмѣнное исповѣданіе Церкви актуализируются, жизненно и конкретно овладѣваются и свободно выражаются.

Поэтому необходимо, чтобы и православные христіане, стремящіеся къ единству Церкви, внимали и серьезно восприняли, что Богъ Живый и Всемогуцій, Который не есть Богъ одного только исповѣданія, открываетъ современному протестанту, что Онъ выявляетъ и творитъ въ протестантизмѣ. Весьма опасно, когда конкретное λέγειν Бога, обращенное къ современному человѣку, когда отвѣтъ этого человѣка, отвѣтъ тоже конкретный, отвѣтъ вѣрующаго, находящагося, конечно, подъ вліяніемъ своей церковной среды и особаго образа богословскаго, догматическаго мышленія, — очень опасно, когда все это разсматривается, обсуждается, а то и осуждается независимо отъ упомянутыхъ условій, независимо отъ положенія человѣка нашего вѣка, независимо отъ волнующихъ его вопросовъ, проблемъ, исключительно подъ угломъ зрѣнія историческаго прошлаго, въ категоріяхъ первыхъ христіанскихъ вѣковъ, категоріяхъ какъ ни какъ, но являющихся категоріями опредѣленнаго вѣка, а не свѣрхвременной вѣчности. Слово Ивана Кирѣевскаго, Хомякова, Флоренскаго и Сергія Булгакова, именно потому что оно *живое* слово, не есть просто слово античнаго міра, на его исходѣ, но слово весьма русское и притомъ русское слово XIX-го и XX вѣковъ. При обсужденіи нѣмецкаго протестантизма, его богословія, нужно требовать и отъ русскихъ, чтобы они обратили вниманіе на положеніе вещей, нами только

что изложенное, чтобы они обращали внимание не только на это критическое положение, на эту проблематичность западно-европейского человека, но и на тот факт, что Бог и в благоговѣніи протестантскихъ церквей открывается современному человеку, ищетъ его и отвѣчаетъ ему.

Но охраняя древнецерковное исповѣданіе, православная Церковь является проповѣдникомъ истины для особаго рода протестантизма, которымъ въ пореформаторскія времена была хотя и не совсѣмъ утрачена, но все-таки чрезвычайно размягчена, подчинена современному гуманизму и субъективизму, вѣра въ Св. Троицу, въ Божество Христа и въ Воскресеніе. Но не можетъ быть достаточно сильно подчеркнуто, что безъ древнецерковнаго ученія о Св. Троицѣ, безъ древнецерковной христологіи все ученіе реформаторовъ объ искупленіи и оправданіи виситъ въ воздухѣ и теряетъ рѣшительно всякій смыслъ.*)

Воплощеніе Логоса, второй вѣпостаси Св. Троицы, есть и останется реальной предпосылкой оправданія человека, его примиренія съ Богомъ. Въ борьбѣ противъ такъ-называемой элленизаціи древнехристіанскаго догмата вообще разучились серьезно считаться съ нимъ, и замѣняя вѣру въ Божество Христа эстетическимъ и этическимъ толкованіемъ Богочеловѣчества на основаніи чисто имманентныхъ принциповъ разума, такъ-таки ѣ не замѣтили, что опротестованное ученіе о двухъ естествахъ древней Церкви ничего другого не утверждаетъ, какъ соединеніе и объединеніе Бога и Человека въ одной богочеловѣческой личности Иисуса Христа, соединеніе двухъ естествъ, которыя *an sich*, въ неустранимомъ, неуничтожаемомъ качественномъ различіи, какъ естество Творца и естество творенія, противоположны другъ другу. Но именно такого единства и такого различія

---

*) Karl Barth, *Prolegomena zur Dogmatik*, T. I., стр. 197: «Не слѣдовало бы именно въ протестантской («*evangelischen*») Церкви и богословіи давать ввести себя въ заблужденіе опредѣленными, въ новѣйшее время надоѣдливо цитированными (В. Stephan, *Glaubenslehre* 1. Aufl., S. 77, 192) мыслями Лютера и молодого Меланхтона объ излишествѣ тринитарныхъ спекуляцій, объясняющимися одной усталостью отъ схоластики. Борьба Аѳанасія въ интересахъ правильнаго ученія въ Церкви была по крайней мѣрѣ не менѣе важной, чѣмъ въ послѣдствіи борьба реформаторовъ за вѣру и оправданіе. Дѣло касалось предпосылки, безъ которой не возможно понимать реформацію, если только хотятъ понимать ее не какъ учрежденіе новой религіи, а какъ очень важный шагъ впередъ по пути познанія *Una Sancta Catholica et Apostolica*. Реформаторы настолько считали твердо обеспеченнымъ за собою наслѣдство древней Церкви, что они, увлеченные и осажденные своей задачей, могли позволить себѣ нерадѣніе о догматахъ — а о догматахъ радѣть должно, дабы онъ остался живымъ и плодотворнымъ, — но ихъ все таки нельзя мыслить безъ этого нѣсколько невнимательно трактованнаго наслѣдства».

не хотѣли уже знать и признавать и начали творить Бога по собственному образу и превращать Христа по аналогіи «монофитства» въ идеальнаго челоуѣка.

Что православная Церковь чисто сохранила древне-христіанскій догматъ и не исказила его схоластическимъ раціонализмомъ, имѣетъ громадное значеніе. Но древнецерковная вѣра, древнецерковный догматъ могутъ быть сохранены только лишь постоянной ссылкой на послѣднее и единственное основаніе ихъ, на живое Слово библейской благой вѣсти, постоянной ориентаціей Церкви на Слово Божіе и послушаніемъ. Нельзя не обмолвиться, что проповѣдь евангелія (*munus propheticum*) въ православной Церкви слишкомъ отступала на задній планъ въ пользу односторонняго подчеркиванія богослужебной и іерархической стороны Церкви и церковной традиціи.

Въ то время, какъ Западъ такъ легко подвергся противо-божественному гуманистическому догматизму, сталъ жертвой своего «*faustischen Drang*», долженствовашаго замѣнить собою дѣйствія Св. Духа, опасность для востока заключается въ томъ, что онъ можетъ застрять въ безплодной статикѣ, замкнуться и оказаться недоступнымъ живому, все обновляющему дѣйствию Св. Духа. Но по отношенію къ протестантскимъ предразсудкамъ должно подчеркнуть, какое огромное богатство хранить въ себѣ литургія православной Церкви и какое мѣсто въ ней занимаетъ прямое библейское благовѣствованіе. Не должно также умалчивать, что прочной и неприкосновенной формою литургіи, ея объективнымъ достоинствомъ, а также тѣмъ благоговѣніемъ и набожнымъ умиленіемъ, съ которымъ вѣрующіе молитвенно предстоятъ передъ Величіемъ и Святостью Бога, православная Церковь и ея вожди охраняются и не могутъ впасть въ гуманизмъ и индивидуализмъ, являющіеся камнями преткновенія для протестантскихъ церквей. Но и живое Православіе — другого, собственно говоря, и быть не можетъ, — ясно сознаетъ, что одно охраненіе традицій, богослужебныхъ и сакраментальныхъ обрядовъ какъ какого-то мертваго капитала зачастую душило и угашало Духъ. Въ такія именно времена недостатокъ въ евангельской проповѣди двоякимъ образомъ сказывается. Церкви, которая пренебрегаетъ Словомъ, угрожаетъ опасность, что она вдругъ перестанетъ быть церковью, такъ какъ Св. Духъ тамъ только лишь дѣйствуетъ, гдѣ истинно проповѣдуется Слово Божіе, гдѣ ему внимаютъ — и не только въ проповѣди, конечно, но и въ литургіи и въ таинствахъ. Но худшее, что можетъ случиться со всякой Церковью, это то, что въ богослуженіи и въ таинствахъ съ трудомъ уже можетъ быть услышано Слово. Нельзя называть простымъ случаемъ, что для истинной православной Церкви, т. е. Патріаршей Тихоновской

Церкви, которая имѣетъ въ своихъ рядахъ столь истинныхъ и мужественныхъ мучениковъ, какъ епископа Веніамина Петербургскаго, и которая находится въ очень бѣдственномъ положеніи, переживая страшное опустошеніе, прямая проповѣдь евангелія въ настоящее время получаетъ огромное значеніе. Ибо только евангеліе, чистое, полное, не рационалистическіи разжиженное, субъективно размягченное и ложно перетолкованное, можетъ спасти русскую Церковь.

Насъ особенно должно радовать, что о. Сергій Булгаковъ въ своей перепискѣ съ Г. Эренбергомъ («Путь», N.5) и «Religiöse Besinnung», Heft 1) при всей искренней преданности своей Церкви, подчеркиваетъ, что «библеизмъ, особая насыщенность Библией, жизнь въ ней, есть свойство — готовъ сказать: даже преимущество — протестантскаго міра», и что православіе можетъ учиться у истинно евангельскаго, библейскаго протестантизма. И вотъ становится ясно, какія дѣйствительно плодотворныя задачи по отношенію къ православію поставлены протестантизму, поскольку онъ является истинно библейскимъ, т. е. вытекающимъ изъ Библии и изъ ученія реформаторовъ. Протестантизмъ своимъ примѣромъ можетъ доказать, что есть — по прекраснымъ словамъ о. Булгакова — «жизнь въ Библии», т. е. серьезное воспріятіе Слова Божьяго въ духѣ истиннаго послушанія. Тутъ-то становится особенно ясно, какое значеніе для насъ самихъ имѣетъ серьезная бесѣда съ братской Церковью, какъ она — такая бесѣда, — заставляетъ насъ опомниться, каяться, выяснять себѣ истинныя, насъ отличающія основы нашей христіанской вѣры, т. е. слово о *justificatio sola fide*. Если протестанты дѣйствительно сумѣютъ сказать это слово, оно будетъ услышано и понято нашими братьями на востокѣ, лучше услышано и понято, чѣмъ въ XIX-омъ вѣкѣ, когда это слово было подавлено массой другихъ словъ, почему протестантизмъ и долженъ былъ сдѣлаться предметомъ строгой критики со стороны православія. Большая часть вины ложится на протестантовъ за то, что православные богословы мало или совсѣмъ не знали Лютера и Кальвина, которые къ тому-же были истолкованы по гуманистическому, субъективному протестантскому богословію, по протестантской философіи XIX-го вѣка, т. е. въ первую очередь по Шлейермахеру и Гегелю, и считались революціонерами-индивидуалистами и въ первую очередь отвѣтственными за превращеніе христіанства въ прямо-таки языческій индивидуализмъ и субъективизмъ, за утерю многими протестантами всякаго церковнаго сознанія.*) Протестантское богословіе,

---

*) Знаменательно и очень мѣтко, напр., выражается Иванъ Кирѣевскій о Шлейермахерскомъ богословіи, подчеркивая въ немъ его несогласованность: «Вотъ отчего онъ вѣритъ сердцемъ и стараетъ-

превратившееся наперекоръ реформаторамъ въ гуманизмъ, само виновато въ томъ, что русскіе православные богословы и философы реформацію Лютера и Кальвина считаютъ отвѣтственными за то, за что они отвѣчать не могутъ, что не ими было начато, а представителями ренессанса и гуманизма типа Эразма, истинными затѣйщиками безбрежнаго, все разрушающаго, чуждаго вѣры и церковности индивидуализма. Ошибочно мнѣніе православныхъ; будто-бы реформаторы смѣшали свободу евангельскую, Словомъ Божиимъ (не буквой, конечно) и Церковью опредѣляемую съ произволомъ изолированнаго, автономнаго субъекта; но эта ошибка вполне понятна, такъ какъ въ послѣдствіи на самомъ дѣлѣ, такое смѣшеніе въ протестантизмѣ стало обыденнымъ явленіемъ. Исполненныя признательной оцѣнки и любви слова одного изъ благороднѣйшихъ представителей православія могутъ поэтому привести насъ протестантовъ въ смущеніе, а то и къ самосознанію и самовразумленію.

Но намъ слѣдовало бы прислушиваться и къ тому, на что о. Булгаковъ еще обращаетъ наше вниманіе: мы православные, говоритъ онъ, готовы достойно оцѣнить вашъ библеизмъ, поскольку онъ является подлиннымъ, но мы отвергаемъ всякую «евангелизацію» съ вашей стороны, т. е. со стороны все болѣе и болѣе распространяющихся въ Россіи евангельскихъ, точнѣе нео-пѣтитическихъ сектантовъ. Хотя о. Булгаковъ иногда выражается слишкомъ рѣзко и одностороннее, но онъ все-таки правъ, утверждая, что русскіе штундисты сохранили отъ протестантизма, отъ реформаціи прежде всего отрицательное, протестующее отношеніе къ церкви и традиціи. Дѣйствительно, слѣдуетъ задать вопросъ, поскольку истинно реформатскій и въ то же время евангельскій духъ еще сохранился въ этомъ, въ сравненіи съ западнымъ протестантизмомъ, экзальтированнымъ, до крайности доведеннымъ, восточномъ русскомъ субъективизмѣ. При одностороннемъ подчеркиваніи субъективнаго переживанія обращенія, сопровождающагося къ тому-же всевозможными физическими потрясеніями, реформатское ученіе объ оправданіи грѣшника вѣрою и даромъ, независимо отъ дѣлъ, превращается въ свою противоположность—въ попеченіе о человѣческой душевной жизни. Возникаетъ вопросъ, не обнаруживается

ся вѣрить умомъ. Его система похожа на языческій храмъ, обращенный въ христіанскую церковь, гдѣ все внѣшнее, каждый камень, каждое украшеніе, напоминаетъ объ идолопоклонствѣ, между тѣмъ какъ внутри раздаются пѣсни Иисусу и Богородицѣ. Но если онъ остатокъ прошедшаго, не переплавленный въ составъ новѣйшаго, то все же онъ примѣчателенъ, какъ одна изъ прекраснѣйшихъ и значительныхъ развалинъ XVIII вѣка». (Полное собр. соч. И. В. Кирѣевскаго, изд. М. Гершензона, Москва 1911, Т. I, стр. 32 — письмо отъ 3/15 марта изъ Берлина).

ся ли здѣсь недостатокъ въ истинномъ, т. е. чисто евангельскомъ познаніи Бога и основанномъ на немъ познаніи человѣка, затѣмъ еще недостатокъ въ оцѣнкѣ значенія церкви для спасенія человѣка («extra ecclesiam nulla salus» учить и Кальвинъ). Русскимъ евангельскимъ движеніемъ, съ его перекрещенствомъ, которое не столько какъ крещеніе взрослыхъ является дурнымъ, а вслѣдствіе его субъективнаго, ударяющаго на личныя чувства обоснованія и связаннаго съ нимъ отрицанія Церкви и отреченія отъ нея, утеряно не только понятіе объ объективномъ значеніи Церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и понятіе о дѣйствии Св. Духа, такъ что Церковь отождествляется съ суммою единичныхъ обращенныхъ индивидуумовъ, а Св. Духъ смѣшивается съ собственной активностью, съ собственнымъ благочестіемъ и освященіемъ жизни. Естественнымъ послѣдствіемъ такого духовнаго направленія является фарисейскій формализмъ, который изъ Библии изгоняетъ духъ, который реформатское *ὑπακοῦειν* по отношенію къ слову Божьему, во Св. Духѣ, превращаетъ въ настоящее, бездушное, внѣшнее буквоѣдство. Всѣ, которые въ такомъ духѣ отрекаются отъ своей Церкви должны бы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что тому богатству, отъ котораго они отказываются, далеко не соотвѣтствуетъ новое завоеваніе внѣ стѣнъ унаслѣдованной Церкви, на которое они рассчитываютъ. Должно быть сказано съ полной ясностью, что такой крайній пинтизмъ и субъективизмъ, угрожающій православной Церкви разрушеніемъ, отступаетъ также отъ истинной реформации, хотя мы отнюдь не отрицаемъ, что и много здоровой силы, черпаемой изъ евангелія, проявляется въ сектантскомъ движеніи, отколовшемся отъ своей Церкви-Матери не безъ вины ея. Но реформаторскія церкви не должны слѣпо поддерживать дѣло разрушенія, не задавая себѣ вопроса, чѣмъ разрушенное будетъ замѣнено. Обновленіе русской Церкви не будетъ плодомъ такого рода «евангелизації», которая, напротивъ, приноситъ съ собою страшное расщепленіе Церкви. Обновленіе есть и будетъ плодомъ евангелія, Слова Божьяго съ его неисчерпаемой силой. А Слово Божіе принимается нынѣ православной Церковью съ большей готовностью и жаждою, чѣмъ когда-либо. Поэтому и должно считать задачей евангельскихъ церквей, — западныхъ церквей помогать восточному христіанству на *этой* почвѣ, при строительствѣ изънутри, а не извнѣ, дабы не было больше разрушено чѣмъ создано.

Истинная, продиктованная волею къ единству во Христѣ, встрѣча реформатскаго протестантизма и восточнаго православія принуждаетъ ихъ обоихъ опомниться, каяться передъ лицомъ Бога и заставляетъ замолчать всѣ имперіалистическіе помыслы, т. е. желаніе пропагандою или другими мѣрами насиловать

другъ друга и разрушать. Истинная встрѣча обоихъ церквей во всякомъ случаѣ возможна только лишь тамъ, гдѣ воздвигнутъ Крестъ Христовъ не какъ знакъ только суда надъ нашимъ грѣхомъ, но и какъ знакъ милости Божіей и прощенія. «Господи, помилуй!» — молитва эта красною нитью тянется черезъ православную литургію и нѣтъ поэта и мыслителя, который бы училъ такъ убѣдительно о великой тайнѣ прощенія грѣховъ, какъ объ основѣ истиннаго братства людей, всеобщаго братства, по которомъ онъ такъ искренно тосковалъ, которое онъ созерцалъ въ своихъ видѣніяхъ, и нѣтъ народа, который такъ глубоко понимаетъ Слово о прощеніи грѣховъ и обнаруживаетъ поэтому такую силу и готовность всепрощенія, какъ русскій, православный народъ. Здѣсь мы наталкиваемся на истинно евангельскіе мотивы въ русской душѣ, которой овладѣлъ Христосъ. И именно эти мотивы, которые звучатъ въ душѣ настоящихъ православныхъ христіанъ, являются причиной тому, что они намъ такъ близки и милы.

Все это вызываетъ и въ насъ тоску по видимому единству вѣрующихъ, по восхожденію вселенскаго единства Церкви Христовой, тоску, которую ни одна церковь такъ глубоко не чувствуетъ, какъ православная Церковь, плачущая по своимъ дѣтямъ, какъ можетъ плакать только мать. Тоска эта глубоко коренится въ опредѣленномъ, характерномъ для вѣрующаго русскаго народа пониманіи универсальнаго характера христіанской Благовѣсти. Какъ сильно захватываетъ насъ у Достоевскаго, Соловьева, у Флоренскаго, Булгакова и Бердяева ихъ вѣра во всеобъемлющую любовь Бога, въ универсальное спасеніе всеединого человѣчества и космоса, во всеобщее братство, причемъ, однако, никоимъ образомъ не умаляется значеніе Страшнаго Суда. Эту вѣру въ равной силѣ въ средѣ протестантизма мы встрѣчаемъ только лишь у молодого Блюмгардта, который удивительно напоминаетъ русскихъ мыслителей. На этой вѣрѣ основывается также вѣра въ единство Церкви и въ конечную реализацію этого единства.

Путь къ истинному вселенскому христіанству не можетъ быть и узко конфессіональнымъ и имперіалистическимъ, ни отвлеченнымъ и интерконфессіональнымъ, онъ ведетъ къ углубленію собственной церкви до той точки, гдѣ и другія церкви какъ конкретно данныя становятся видимыми и познаются какъ церкви Божіи, какъ братскія церкви. Оказывается, что и въ данномъ случаѣ любовь сильнѣе всѣхъ различій и вытекающихъ изъ нихъ антипатій.

Проявленіе единства во всякомъ случаѣ начинается съ совмѣстнаго покаянія, съ смиреннаго самопознанія, съ совмѣстнаго взиранія на Распятаго и Воскресшаго Христа, «содѣлавъ

шаго изъ обоихъ одно». Отличительной чертой, особымъ даромъ православной Церкви является ея благовѣствованіе о Воскресеніи. Ради него ея жажда возсоединенія церквей будетъ утолена, тоска ея исполнена. За вѣру ея въ Воскресшаго Господа, которая очень сильна и полна свѣтлой радости, Восточная Церковь будетъ стоять на первомъ мѣстѣ, когда воскреснетъ единая Церковь подъ управленіемъ самого Воскресшаго. Безъ Церкви православной неммыслимо возсоединеніе церквей.

Мы какъ евангелическіе христіане также исповѣдуемъ эту вѣру *Unae Sanctae* въ Воскресеніе, радостно восклицая вмѣстѣ съ нашими русскими братьями:

Христось воскресе! Во истину воскресе!

Ф р и ц ъ   Л и б ъ .